

Жизнь Пушкина

ТАЙНА
БОЛЕЗНИ
И СМЕРТИ
ПУШКИНА
ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

АЛЕКСАНДР
КОСТИН

Александр Георгиевич Костин

Тайна болезни и смерти Пушкина

Серия «Жизнь Пушкина»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014577

*Костин А.Г. Тайна болезни и смерти Пушкина. Взгляд из XXI века:
Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0173-5*

Аннотация

Новая работа историка и политолога Александра Костина – попытка развеять мифы, сложившиеся вокруг болезни, дуэли и смерти Пушкина. Какой недуг преследовал русского гения в течение, без малого, двадцати лет, и верно ли угадал симптомы болезни Паркинсона неопушкинист Александр Лацис? Действительно ли, что поэт написал сам на себя пасквиль, тот самый «диплом рогоносца», и, главное, какую цель мог при этом преследовать? Какие тайны семейной жизни четы Пушкиных хранили и продолжают хранить их потомки? Почему в деле военно-следственного суда фактически нет даже упоминания о том, из какого оружия был смертельно ранен Пушкин и не фигурирует описание пули, якобы выпущенной из пистолета Дантеса?... На многие вопросы, связанные с тайнами жизни и

смерти А.С. Пушкина, читатель найдёт сенсационные ответы в этой книге.

Содержание

Семейная драма Пушкиных

5

Конец ознакомительного фрагмента.

78

Александр Костин

Семейная драма Пушкиных

*И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.
«Евгений Онегин»*

Предсвадебные хлопоты омрачились тяжелой утратой – 14 января 1831 года скончался один из самых близких друзей Пушкина барон Антон Антонович Дельвиг. Плетнев¹ в тот же вечер сообщает об этом Пушкину в Москву письмом. «Приготовьте Пушкина, – пишет Орест Сомов Баратынскому, – который, верно теперь и не чаёт, что радость его возмутится такой горестью»².

¹ Плетнев Петр Александрович (10.08.1792–20.12), поэт и критик, профессор российской словесности (с 1832 г.) и ректор Петербургского университета (1840–1861 гг.), впоследствии ординарный академик. Один из ближайших друзей Пушкина. Был издателем почти всех книг Пушкина. Своему другу и издателю Пушкин посвятил IV и V главы «Евгения Онегина» (1827 г.), а затем перенес это посвящение в полный текст романа в стихах (1837 г.). Плетнев принимал активное участие в издании «Северных цветов» (1825–1832 гг.) и «Литературной газеты» (1830–1831 гг.), а также Пушкинского «Современника» (1835–1836 гг.).

² Сомов Орест Михайлович (10.12.1793–27.05.1833) – писатель, критик, журналист, сотрудничал в «Северной пчеле» (до 1829 г.). С 1827 года помощник А.А. Дельвига в издательских делах (альманах «Северные цветы» и «Литературная газета»). После запрещения Дельвигу издавать «Литературную газету» стал ее официальным издателем и редактором.

Только 18 января Пушкин получает сообщение от Плетнева: «Ночью. Половина 1-го часа. Среда. 14 января, 1831. С.Петербург... Я не могу откладывать, хотя бы не об этом писать тебе. По себе чувствую, что должен перенести ты. Пока еще были со мной добрые друзья мои и его друзья, нам как-то было легче чувствовать всю тяжесть положения своего. Теперь я остался один. Расскажу тебе, как все это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш?...» Он был в числе тех, о ком звучала пушкинская строка из «Безверия»:

Но, други! Пережить ужаснее друзей!...»³

На следующий день Пушкин сообщает об этой утрате П.А. Вяземскому: «Вчера получили мы горестное известие из Петербурга – Дельвиг умер *гнилою горячкою*. Сегодня еду к Салтыкову, он, вероятно уже все знает...»

В письме к Плетневу от 21 января 1831 г. Пушкин изливает всю свою горечь постигшей утраты: «Ужасное известие получил я в воскресенье... Грустно, тоска. Вот первая смерть мною оплаканная... *Никто на свете не был мне ближе Дельвига*. Изо всех связей детства он один оставался на виду – около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты,

³ Элегия «Безверие» является наиболее ранним из всех атеистических произведений Пушкина. Стихотворение было прочитано на выпускном экзамене по русской словесности 17 мая 1817 года.

я, Баратынский, вот и все. Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертью, говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так. Баратынский болен с огорчения. Меня не так то легко с ног свалить. Будь здоров – и постараемся быть живы».

Пушкин и его московские друзья не успели приехать на похороны А.А. Дельвига, которые состоялись 17 января 1831 года, о чем «Санкт-Петербургский вестник» сообщил: «В субботу, 17 января, родные, знакомые и почти все живущие в Петербурге литераторы отдали последний долг поэту нашему барону Антону Антоновичу Дельвигу: бранные останки его преданы земле на Волковом, и слезы, непритворные слезы горести оросили гроб любимца муз».

Через десять дней после похорон московские друзья Дельвига – Пушкин, Баратынский, Вяземский и Н.Языков, после панихиды – «совершили тризну» по нему: обедали вместе у Яра на Кузнецком мосту, вспоминали усопшего, делились своими соображениями о будущей судьбе литературного наследия поэта и издателя альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты». Возможно, в этот вечер Баратынский вспоминал о том, как он с Дельвигом и его лицейским другом Михаилом Яковлевым жили под одной крышей в Петербурге, а Пушкин его элегию «Грусть»:

Счастлив, здоров я! Что ж сердце грустит?
Грустит не о прежнем;
Нет! Не грядущего страх жмет и волнует его.
Что же? Иль в миг сей родная душа расстанется с землею?
Иль в миг оплаканный друг вспомнил на небе меня?»

Н.М. Языков в письме к брату от 28 января 1831 г. писал: «Вчера совершилась тризна по Дельвиге. Вяземский, Баратынский, Пушкин и я... обедали вместе у Яра... «Лит. Газета» кончается, а взамен ее вышепоименованные (кроме меня, разумеется) главы нашей словесности предпринимают, хотя с 1832-го года, издавать общими силами журнал «Денница».

31 января, получив от Плетнева письмо и деньги за издание «Бориса Годунова», Пушкин в тот же день отвечает, благодарит за деньги и просит передать вдове АА.Дельвига Софье Михайловне 4000 рублей. Приглашает Плетнева поддержать идею Баратынского и «написать втроем» жизнь Дельвига, «жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами».

«Жизнь поэта, – писал историк В.О. Ключевский, – только первая часть его биографии, другую и более важную часть составляет посмертная история его поэзии». 25 января вышел очередной номер «Литературной газеты» с некрологом. Н.И. Гнедич выполнил свой обет. Дельвиг в дни тяжелого недуга Гнедича, утешая, обещал элегию, если что случится,

и просит о том же его.

Милый, младый наш певец!
На могиле, уже мне грозившей,
Ты обещал воспеть Дружбы прощальную песнь;
Так не исполнилось! Я над твоею могилою ранней
Слышу надгробный плач Дружбы и Муз и Любви!
Бросил ты смертные песни, оставил ты бrenную землю,
Мрачное царство вражды, грустное светлой душе!
В мир неземной ты унесся, небесно-прекрасного алча;
И, как над прахом твоим слезы мы льем на земле, —
Ты во вратах уже неба, с фиалом бессмертия в длани,
Песнь полновесную там со звездами утра поешь.

Посвящения Гнедича, Михаила Деларю, Туманского, Розена, статья Михаила Плетнева, слова Пушкина: «Память Дельвига есть единственная тень моего существования» были и утешением семье и близким покойного, и стали памятником.

На 40-й день поминали усопшего каждый по себе, с думой обо всех, но то была тайна каждого, ибо верили в то, что тень его посещает всех о нем помнящих.

«Дельвиг, как и Пушкин, был пастырем поэзии. С его именем связаны первые публикации Пушкина, Баратынского, Языкова, первые упоминания о гениальности Державина и Пушкина. В опальный период жизни Пушкина, когда Владимир Раевский, Кондратий Рылеев и Александр Бестужев,

Вильгельм Кюхельбекер, Павел Катенин шумели и мнили себя вожаками гражданской поэзии, Дельвиг задавал тон поэзии и оценке сочинений Пушкина. По выходу «Бориса Годунова» он пишет о судьбах царевича Димитрия и сына Бориса Годунова Федора, «видя хотя и заслуженные страдания великого человека, невольно умиляешься, невольно веришь, что кара за убийство невинного царевича падет на одну голову его и не тронет невинного сына, но за чистую кровь Димитрия небо потребовало чистой жертвы, и нам, знающим судьбу его семейства, тем трогательнее кажутся последние слова умирающего Бориса, вотще наставляющего сына, как царствовать».

Дельвиг способствовал рассеиванию слухов о либеральности Пушкина, чье имя декабристское окружение использовало в пропагандистских целях и распространяло рукописные стихи, иные их печатали с критическими в адрес правительства комментариями. Последний раз Пушкин видел Дельвига в августе 1830 года, 9 августа отметили 32-летие со дня рождения поэта. Следующим днем Пушкин и Вяземский направились в Москву. Пушкин впоследствии вспоминал: «Дельвиг пошел проводить меня до Царского Села. 10 августа поутру мы вышли из города. Вяземский должен был догнать на дороге. Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно. В этот день он встал в восьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли

дальше. Ему стало легче: головная боль прошла. Он стал весел и говорлив...» Прощаясь, как оказалось навсегда, у Лицея, они целовали друг другу руки. Анна Керн вспоминала: «Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях». Может быть, Дельвиг прослышал от Вяземского о чуме. «Перед моим отъездом, – писал Пушкин, – Вяземский показал письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему было видно, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности. А в моем воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу».

Из письма Пушкина Дельвигу из Болдина от 4 ноября: «Отец мой ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын, то есть мнителен и хандрлив (какое словечко?)...». 17 ноября он получает ответ: «Целую тебя, душа моя, и жду от тебя утешения, то есть не уверенений в участии, я знаю, что ты меня любишь, но стихов, стихов, стихов! Мне надо их! Слышь ли, Болдинский помещик! Прощай. Твой Дельвиг». Последние строки «муз возвышенный пророк» Дельвиг посвятил разбору «Бориса Годунова». Они вышли в их «Литературной газете».

В середине декабря Пушкин в Москве. Добрые известия

об издаваемых газетах и журнале Дельвига «Литературная газета» и «Северные цветы», готовый к продаже «Борис Годунов» и отзыв о нем Дельвига, казалось, успокоили Пушкина. 2 января Пушкин пишет Вяземскому: «Стихи твои прелесть... Отошлем их Дельвигу». Затем Пушкин пишет Плетневу о том, как улучшить газету Дельвига («Литературная газета»); о том же письмо Вяземского Пушкину: «Нужно нам с тобой и Боратынским написать инструкцию Дельвигу...»

Никто не ожидал, что пресловутая «гнилая горячка» будет развиваться столь стремительно, видимо, кроме самого Дельвига, который незадолго до своей кончины оставил послание родным и друзьям своеобразный реквием:

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенный ты мой
И в обман его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною Муза,
С ней пишу я – не мешай!
И к обеду не зову я,
Что пугать друзей моих;

Их люблю, как есть люблю я
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночью тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданье
Протекает ночь моя.

Болезнь Дельвига протекала стремительно, еще 6 января 1831 года он опубликовал заметку Пушкина «Камо Веруеши?» и слег. Мужественно переносил страдания, сочинил и напевал песенку:

Дедушка, – девицы
Раз мне говорили, – нет ли небылицы
Иль старинной были?

12 января он впал в беспамятство и через двое суток скончался, полгода на дожив до возраста Иисуса Христа.

«Странная» болезнь и еще более «странное» ее стремительное протекание вызвали в обществе всевозможные слухи и пересуды о причине кончины Дельвига. Пушкин как мог, защищал честь и достоинство своего друга, о чем стало известно Николаю, который весьма сочувственно отнесся к

этому событию: «Вы можете сказать от моего имени Пушкину, – передал государь Бенкендорфу, – что я всецело согласен с мнением его покойного друга Дельвига. Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его удостоили, бесчестят того, кто их произносит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них – презрение. Вот как я бы поступил на его месте...» «Презрение» Пушкина относилось, в том числе, и к бывшему директору Царскосельского Лицея Энгельгардту, связавшему смерть Дельвига с политикой и Пушкиным: «Не понимаю, как могло ему прийти в голову эти вирши напечатать в *русскую* «Литературную газету». Кажется, это Пушкин его впросак посадил».

Речь идет об одном четверостишии Делавиня, посвященном памяти жертв июльской революции во Франции, которые были напечатаны в «Литературной газете», за что Дельвиг получил грубую выволочку от шефа жандармов Бенкендорфа, угрожавшего ему и его друзьям ссылкой в Сибирь. В итоге Дельвиг был отстранен от редактирования «Литературной газеты», а сама газета «приостановлена»⁴. В итоге последовала эта «странная» болезнь, похожая больше на самоубийство.

Пушкин, помнивший уроки доктора Хатчинсона о про-

⁴ Делавинь (у Пушкина встречаются написания: де ла Виньи и де Лавинь). Казимир (1793–1843 гг.) – французский поэт либерального направления, как продолжатель трагической системы Вольтера, стремился примирить классицизм и романтизм. Был сторонником герцога Орлеанского и после июльской революции написал официальный гимн монархии («Парижанка»).

блемах суицида среди творческих личностей, не мог не увязать скоропостижную смерть своего лицейского товарища и собрата по литературному цеху с серией самоубийств французских литераторов в 1824–1830 гг.

При неясных обстоятельствах покончил с собой в Дублине англо-французский поэт и публицист Вильям Винсент Барре (1760–1829 гг.). Это был поистине поэт-интернационалист. Родился в Германии, в семье французских эмигрантов-гугенотов. Служил в русской армии. Во время революции вернулся во Францию, участвовал в Итальянском походе в звании капитана. Был личным переводчиком Бонапарта, однако написал несколько сатирических стихотворений в адрес будущего императора, после чего, преследуемый полицией, бежал в Англию. Писал исторические трактаты и политические памфлеты по-английски, стихи по-французски. Что послужило причиной ухода из жизни Барре, выяснить не удалось.

В этом же году покончил с собой французский писатель Оже Луи-Симон (1772–1829 гг.). Плодовитый литературный критик, долгое время служил цензором. Его избрание в академию вызвало бурю протестов среди либеральных литераторов, что не помешало Оже стать непременно секретарем Академии. Истинная причина самоубийства не установлена, хотя по одной из версий считается, что это неудовлетворенность Оже в семейной жизни, в приступе меланхолии он утопился в Сене. Тело писателя выловили лишь полтора месяца

спустя.

Однако наибольшее потрясение испытал Пушкин, когда узнал о самоубийстве французского писателя Альфонса Рабба (1784–1830 гг.), о судьбе которого он справлялся у доктора Хатчинсона в Одессе в 1824 году. Рабб был не только плодовитым писателем, но и историком. Написал, в частности, «Краткую историю России». Рабб всю свою творческую жизнь упорно отстаивал право на самоубийство и умер в полном соответствии со своими воззрениями. В молодости он был очень хорош собой, однако заболел сифилисом, который в ту пору лечить еще не умели, и со временем болезнь его обезобразила. В последние годы жизни Рабб почти не выходил из дому. Один из современников, видевший писателя незадолго до смерти, пишет: «Его зрачки, ноздри, губы были изъедены болезнью; борода выпала, зубы почернели. Сохранились лишь пышные светлые волосы, ниспадающие на плечи, и всего один глаз...» Писатель гнил заживо пять лет, а затем отравился смертельной дозой кокаина.

В этих трех смертях французских литераторов и в смерти самого близкого друга, косвенной причиной которой опять же был французский поэт, Пушкин с его сверхмнительностью усмотрел некий знак, а именно: следующим из лицейских товарищей смерть должна настичь его. При этом к двум пророчествам цыганки («1837 год» и «светлый человек») он присовокупил то, что этот «светлый человек» обязательно будет каким-то образом связан с Францией, бур-

лившей непрерывающимися революционными катаклизмами. К двадцатой годовщине открытия Лицея Пушкин написал печальное послание однокашникам:

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый друг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.

Давно ль, друзья? Но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.

Так дуновенье бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил

И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

19 октября 1831 г.

«Шесть мест упраздненных стоят...» – к этому времени известно было о смерти шести лицеистов:

– Ржевский Николай Григорьевич (1800–1817), Дитя, Кис.

– Корсаков Николай Александрович (1800–1820), Трубадур, Певец.

– Костенский Константин Дмитриевич (1797–1830), Старик.

– Саврасов Петр Федорович (1799–1830), Рыжий, Рыжик.

– Есаков Семен Семенович (1798–1831).

– Дельвиг Антон Антонович (1798–1831), Тося.

Пушкин тогда еще не знал о смерти седьмого товарища Броглио Сильверия Францевича (1799 – между 1822 и 1825 гг.), после окончания Лицея уехавшего в Италию, которую покинул в 1821 году после Пьемонтского восстания. Уехал в Грецию, где и погиб, сражаясь за ее независимость.

«Кого недуг, кого печали // Свели во мрак земли сырой...»
Этими двумя стихами Пушкин дает понять, что А.А. Дельвиг умер не от «недуга», а именно «печаль» свела его «во мрак земли сырой».

«И мнится, очередь за мной, // Зовет меня мой Дельвиг милый ...». Предчувствие Пушкина сбылось: из лицеистов первого выпуска он умер первым после Дельвига. Правда,

из лицеистов первого набора раньше Пушкина умер Гурьев Константин Васильевич (1800–1833), но он был исключен с 3-го курса (1813 г.) за «дурное поведение», несмотря на то, что был крестником великого князя Константина Павловича. В 1826 году Константин Павлович назвал Гурьева «товарищем, известным писакам Пушкину и Кюхельбекеру». Точная дата и причина смерти Гурьева не установлена, известно лишь, что в 1833 году он служил 2-м секретарем русского посольства в Константинополе. Лицеист Модест Андреевич Корф утверждал, что Гурьев умер «задолго до 1854 года».

Вторая строфа стихотворения в окончательном варианте была исключена самим Пушкиным. При жизни Пушкина стихотворение не публиковалось.

Пушкин проявил чуткость и заботу к вдове Дельвига баронессе Софье Николаевне и двум малолетним братьям, которые были на его попечении. В письме П.А. Плетневу из Москвы в Петербург от 31 января 1831 года Пушкин пишет: «Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» – но мне жаль, если это будет ущерб Сомову – он был искренно к нему привязан – и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелее: чувства души слабеют и меняются, нужды жизненные не дремлют.

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в лицее – был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души – и таланта, которому еще

не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит... Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романтическим приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это».

Этим же письмом он распорядился передать Софье Николаевне 4000 рублей.

В письме к Е.М. Хитрово от 9 февраля 1831 года из Москвы в Петербург он пишет: «Как вы счастливы, сударыня, что обладаете душой, способной все понять и всем интересоваться. Волнение, проявляемое вами по поводу смерти поэта в то время как вся Европа содрогается, есть лучшее доказательство этой всеобъемлемости чувства. Будь вдова моего друга в бедственном положении, поверьте, сударыня, я обратился бы за помощью только к вам. Но Дельвиг оставил двух братьев, для которых он был единственной опорой: нельзя ли определить их в Пажеский корпус?...»

Это было второе письмо к Е.М. Хитрово, где Пушкин пишет о тяжелой утрате, постигшей друзей поэта. В письме от 21 января 1831 года он писал: «Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был луч-

шим из нас. Наши ряды начинают редеть. Грустно кланяюсь вам, сударыня».

«Кланяюсь сердечно Софье Николаевне, – пишет он лицейскому другу Михаилу Яковлеву, – и очень, очень жалею, что с ней прощусь. Дай Бог ей здоровья и силы души. Если надобно будет ей деньги, попроси ее со мной не церемониться». Позже он выкупит у вдовы свой портрет работы Кипренского. В память о Дельвиге он собирает всех на выпуск «Северных цветов» в пользу вдовы. «Нынешний год, – пишет он Вяземскому, – мы выдадим Северные Цветы в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы...» О том же письмо Пушкина Глинке: «Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние «Северные цветы». Изо всех его друзей только Вас и Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне... Надеюсь на Вашу благосклонность и на Ваши стихи...»

Задуманный альманах «Северные цветы» открывался стихотворением Языкова «На смерть барона А.А. Дельвига».

Пушкин предугадал свою кончину вслед за Дельвигом. Те же Плетнев, Баратынский, Вяземский, Жуковский, Языков и Краевский возьмутся за издание сочинений Пушкина и только тогда начнут прозревать свое сиротство без Пушкина.

Горе от безвозвратной утраты невольно скрашивается радостным чувством обретения Семьи и Дома после того, как Пушкин обвенчался 18 февраля 1831 года с Наталией Николаевной Гончаровой. Через неделю после женитьбы он с

восторгом пишет П.А. Плетневу в Петербург: «Я женат – и счастлив; одно желание мое, чтоб ничто в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился...» Словно спохватившись, что сегодня «сороковины» ухода Дельвига, извинился: «Прости, мой друг. Что баронесса? Память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования...» И далее о текущих, но немаловажных делах, связанных с близкими людьми. «Обнимаю тебя и Жуковского. Из газет узнал я новое назначение Гнедича. Оно делает честь государю, которого я искрению люблю и за которого всегда радуюсь, когда поступает он умно и по-царски». 24 fevr.

Медовый месяц пролетел незаметно, наступили семейные будни, сильно омрачающиеся сложными, неприязненными отношениями с Н.И. Гончаровой – матерью Натальи. Из ее письма дочери Пушкин уловил, что она недовольна поведением зятя, изволила «пошутить по поводу возможности развода или что-то в этом роде». В своем письме к Н.И. Гончаровой от 26 июня 1831 года из Царского Села в Москву Пушкин говорит о причине, принудившей его покинуть Москву: «Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприязностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу, и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, поз-

волить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены – подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить».

Очень рано стал задумываться Пушкин о том, чтобы сбежать от семейных хлопот и неурядиц «в обитель дальнюю трудов и чистых нег».

В письме к П.А. Осиповой⁵ из Царского Села в Опочку от 29 июня 1831 года он высказывает неожиданную для молоджена просьбу: «...Я попросил бы вас, как добрую соседку и доброго друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря, о моей хижине в Савкине? – меня этот проект приводит в восхищение, и я постоянно к нему возвращаюсь».

Через три года этот несбыточный «проект» выльется в известное восьмистишие:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит

⁵ Осипова Прасковья Александровна, урожденная Выдомская (23.09.1781–8.04.1859) – помещица села Тригорского, соседка Пушкина по селу Михайловскому.

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Этот незавершенный отрывок из поэтического замысла, план которого был обнаружен в посмертных бумагах Пушкина, по мнению практически всех исследователей, обращен к Наталье Николаевне. Написано летом 1834 года в связи с неудавшейся попыткой выйти в отставку и уехать в деревню. План продолжения стихотворения предусматривал: «Юность не имеет нужды в *at home* (в своем доме – *англ.*), зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу, – удались он *домой*.

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc – религия, смерть». В дальнейшем мы покажем, что оно было написано гораздо позднее и совсем по иному поводу.

Однако этой мечте поэта не суждено было сбыться, поскольку Наталья Николаевна была слишком далека от понимания того, что занимало ее мужа.

Русский издатель и литературовед Петр Перцов назвал женитьбу Пушкина типичным браком старика с молодой, хотя брак с такой разницей в возрасте был обычным в те времена. Пушкину 31 год, Наталья почти 19. Дело в другом, о

чем с необычайной откровенностью поделился сам поэт в своем стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»:

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, иступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!
О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонялся на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

При жизни поэта стихотворение не публиковалось, и автограф его не сохранился. В собраниях сочинений оно публикуется под 1830 годом. Эту дату в рукописи поставил Соболевский, видимо, по памяти, а Бартенев приписал: «19 января». Однако под стихотворением, не публиковавшимся при ее жизни и найденным после смерти Натальи Николаевны вторым мужем П.П. Ланским в ее бумагах, стоит 1831 год, а в некоторых списках даже 1832 год, с пометкой: «К жене».

Вересаев без доказательств считал временем создания

стихотворения начало брачных отношений Пушкиных, полагая, что «...перед нами подробнейшее, чисто физиологическое описание полового акта, — и продолжил восхищенно, — а между тем читаешь — и изумляешься: какое произошло волшебство, что грязное неприличие, голая физиология превратились в такую чистую, глубоко целомудренную красоту?» Когда П.И. Бартенев прочитал это стихотворение СТ. Аксакову, тот побледнел от восторга и воскликнул: «Боже, как он об этом рассказал».

В начале эта холодность жены его восхищает, но такое не может длиться долго. Что может быть в браке печальнее, чем близость поневоле? Сексуальная жизнь, когда жена, «не внемля ничему», едва отвечает», отнюдь не привязывала Пушкина к жене «путами Гименея».

Брак радикально изменил статус юной Наталии, а изменил ли он жизненный уклад самого Пушкина, который, как мог, внушал себе, что начинает новую, с другим укладом, жизнь, но продолжал привычную. Жену, после первой брачной ночи, он оставил одну в снятом для них доме на Арбате, чтобы провести день с друзьями.

«Но и она поразила друзей поэта. Кольваль Френкленд, англичанин, познакомившийся незадолго до этого с Пушкиным, вспоминает, как был приглашен к нему на обед. В гостях были также Киреевский и Вяземский. Френкленд отмечает: «Прекрасная новобрачная не появилась». Кажется, ситуацию лучше всех понял тогда Вяземский: «Ему здесь нель-

зя будет за всеми тянуться, а я уверен, что в любви его к жене будет много тщеславия. Женившись, ехать бы ему в чужие края, разумеется, с женою, и я уверен, что в таком случае разрешили бы ему границу».

Редко цитируется детальная запись старого приятеля Туманского, посетившего квартиру Пушкина вскоре после женитьбы:

«Не воображайте, однако же, что это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина – беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна: а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у нее нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду, что у нее нет ни опрятности, ни порядка, о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды».

Один из друзей Пушкина заметил: «...Хотя Наталья Гончарова за четыре года с 1832 по 1836 год, родила Пушкину 4 детей, но в интимной жизни она была фригидной, то есть импотентной». Нет упоения, но есть стыдливая холодность, а заканчивается все сексуальным насилием и рождением четырех детей.

Первой родилась дочь Мария. Мария Александровна Пушкина (19.05.1832–07.03.1919), получила домашнее образование. С 1852 года – фрейлина, с 1860 года – жена генерал-майора Л.Н. Гартунга. Л.Н. Толстой, познакомившись с

Марией Александровной в 1860 г. в Туле, отразил некоторые черты ее внешнего облика в портрете Анны Карениной.

Вторым был сын Александр. Пушкин Александр Александрович (06.07.1833–19.07.1914), воспитанник 2-й Петербургской гимназии и Пажеского корпуса (вып. 1851 г.), командор 13-го гусарского Нарвского полка, председатель Московского присутствия Опекунского совета, генерал-лейтенант, тайный советник. У Александра Александровича от первого брака с Софьей Александровной Ланской (1836–1875) было 11 детей, от второго, с Марией Александровной Павловой (1852–1919) – двое.

Григорий Александрович Пушкин (14.05.1835–05.08.1905) – младший сын Пушкиных, питомец Пажеского корпуса (вып. 1853 г.), корнет, ротмистр лейб-гвардейского конного полка (1853–1860). В 1862 году переведен в Министерство внутренних дел, где дослужился до статского советника. С 1866 по 1899 гг. жил в с. Михайловском, а затем в имении жены Варвары Алексеевны Мельниковой-Маркутье, под Вильно, где и умер.

Младшая дочь Пушкина Наталья Александровна (23.05.1836–10.03.1913), получила домашнее образование. С 1853 года жена Михаила Леонтьевича Дубельта (18.02.1822–06.04.1900 гг.) сына Л.В. Дубельта, впоследствии флигель-адъютанта полковника. С 1869 года вmorganатическом браке за принцем Николаем – Вильгельмом Нассауским (07.09.1832–05.09.1905) с титулом графини Ме-

ренберг. В 1876 году Н.А. Пушкина предоставила И.С. Тургеневу для опубликования письма А.С. Пушкина к его жене. С ее слов в 1886 году записан рассказ ее матери о дуэли и смерти Пушкина.

Многие отмечали, что во внешности Натальи Александровны не было заметно никаких черт отца.

Между вторыми и третьими родами, в марте 1834 года у Натальи Николаевны случился выкидыш. Пушкины пришли на бал, один из последних в танцевальном сезоне столицы в преддверии великого поста, где Наталии Николаевне сделалось плохо. Вот как описал это событие в письме к другу П.В. Нащокину из Петербурга в Москву (между 23 и 30 марта 1834 года):

«Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На Масленице танцевали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед Великим постом. Думаю: слава Богу! Балы с плеч долой. Жена во дворце. Вдруг, смотрю – с нею делается дурно – я увожу ее, и она, приехав домой, – выкидывает. В своем дневнике Пушкин делает краткую запись: «Доплясалась».

В этом же письме к П.В. Нащокину Пушкин сообщает, что с января месяца он камер-юнкер, уверяя друга, а, скорее всего, самого себя: «Это совершенно меня утешило; тем более, что, конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах – и верно не думал уж

меня кольнуть.

Однако первоначальная реакция Пушкина на оказанную «милость» Государя была совершенно иной. Так, 1 января 1834 года он записал в своем дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но Двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове». Звание камер-юнкера действительно означало, что он и его супруга будут получать теперь приглашения на приемы и балы не только для широкого круга дворян в официальной резиденции Зимнего дворца, но и для узкого круга приближенных ко Двору лиц в собственном Аничковом дворце императора.

Вопреки сложившемуся мнению, что Государь, пожаловал Пушкину столь низкий придворный чин, чтобы «кольнуть» поэта, это не так. Дело в том, что согласно табели о рангах придворное звание должно строго соответствовать служебному чину. У Пушкина служебный чин 9-го класса не давал прав на присвоение более высокого придворного звания (камергера), для этого нужно было иметь, как минимум, 6-й класс. Исключения из этого правила не делалось, и встречающиеся рассуждения, что Пушкину дали якобы заниженное придворное звание, несостоятельны.

Да и Пушкин волновался совсем по иному поводу, он хотел уберечь Наталью Николаевну от слишком повышенного внимания к ней со стороны Николая Павловича. По свидетельству того же П.В. Нащокина, когда Пушкин узнал о по-

жалованном ему чине камер-юнкера, Виельгорскому и Жуковскому пришлось «обливать <его> холодной водою – до того он был взволнован... Если бы не они, он, будучи вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю».

Между прочим, гневался Пушкин напрасно, поскольку на то время он не давал для измены своей жене ни единого шанса. За три года супружеской жизни Наталья Николаевна родила ему дочь и сына, а одного ребенка выкинула, после чего он отправляет ее в деревню в имение ее родителей в Калужскую губернию, но своих намерений не оставляет. В письме к жене из Петербурга в Полотняный завод от 3 августа 1834 года он настроен на шутливую волну: «Я привезу тебя тетехой, по твоему обещанию: смотри ж! Не поставь меня в лгуны. На днях встретил я М-те Жорж. Она остановилась со мною на улице и спрашивает о твоём здоровье, я сказал, что на днях еду к тебе *pour te faire un enfant*⁶. Она стала приседать, повторяя: *Ah, Monsi, vous me ferez une grande plaisir*⁷. Однако я боюсь родов, после того, что ты выкинула. Надеюсь однако, что ты отдохнула».

21 августа Пушкин прибывает на Полотняный завод, где проживает вплоть до 6 сентября, а 13 сентября он уже в Болдино. Несложно посчитать, когда должен родиться третий ребенок Пушкиных (май 1835 г.).

⁶ Чтобы сделать тебе ребенка (*фр*).

⁷ Ах, месье, вы доставляете мне большое удовольствие (*фр*).

Все правильно, младший сын Григорий родился 14 мая 1835 года.

Пушкин любил детей, но нет доказательств, что играл, гулял или занимался с ними. На то были слуги. Нащокин вспоминает, что Пушкин «плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых». И действительно стал бегать. Весной 1835-го, когда Наталья Николаевна была на сносях, поэт без очевидной нужды уехал в деревню и вернулся, когда жена уже родила сына. Через год, когда жена донашивала следующего ребенка, Пушкин жил у Нащокина в Москве и, вернувшись, на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь.

Однако в своих письмах, адресованных Наталье Николаевне, он непременно интересовался здоровьем детей, слал им теплые отцовские приветы, благословлял их: «...Пиши мне о своей груднице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, *не кокетничай 26-го*. Да бишь! Не с кем. Однако все-таки не кокетничай... Тебя целую крепко и всех вас благословляю: тебя, Машку и Сашку» – из письма от 20 августа 1833 г. из Торжка в Петербург⁸.

«Ты видишь, моя женка, что *слава твоя распространилась по всем уездам*. Довольна ли ты? Будьте здоровы все! Помнит ли меня Маша и нет ли у ней новых затей? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и

⁸ «*Не кокетничай 26-го*» – 27 августа день рождения Н.Н. Пушкиной, а 26-го именины.

тебе не за что на меня дуться. Письмо это застанет тебя после твоих именин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнивать нельзя на свете – а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко» – из письма от 21 августа 1833 г. из Павловского в Петербург⁹.

«Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел... Книжки, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью. Целую тебя. Кланяюсь тетке – благословляю Машку и Сашку» – из письма от 27 августа из Москвы в Петербург.

«Две вещи меня беспокоят: то, что я оставил тебя без денег, а может быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду. Слава богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы и что ты, хоть и дорого, но дом наняла. Не страшай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась... Не кокетничай с Соболевским и не сердись на Нащокина» – из письма от 8 октября 1833 г. из Болдина в Петербург.

«...Что твои обстоятельства? Что твое брюхо? Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября. Не мешай мне, не страшай меня, будь здорова, смотри за детьми, не ко-

⁹ «...Слава твоя распространилась по всем уездам» – в письме Пушкин упоминает о трактирщице в Торжке, которая на «нежности» поэта ответила: «Стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я встретила ее (?) ахнула».

кетничай с царем, ни с женихом княжны Любы. Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу – и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин аккуратен. На днях пришлю ему стихов. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет – перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки – он хлоп стакан, другой, третий – и уж начнет писать! – Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше. Прости, целую вас и благословляю. Тетке целую ручку. Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки? Саше подсвистываю. Прощай» – из письма от 11 октября 1833 г. из Болдина в Петербург.

«Получил сегодня письмо твое от 4-го октября и сердечно тебя благодарю. В прошлое воскресенье не получил от тебя письма и имел глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата и что ничто не помешает тебе отличаться на нынешних балах. Видно, Огарев охотник до Пушкиных, дай бог ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности – не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то уже важнейшему¹⁰. Охота тебе, женка, соперничать с графиней Со-

¹⁰ Огарев Николай Александрович (31.12.1811–07.02.1867) – воспитанник Пажеского корпуса (вып. 1829 г.), прапорщик лейб-гвардейской конной артилле-

логу. Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников? Все равно кабы граф Шереметев стал оттягивать у меня кистеневских моих мужиков, Кто же еще за тобой ухаживает, кроме Огарева? пришли мне список по азбучному порядку. Да напиши мне также, где ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземские. Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы! – *а каков Сашика рыжий? Да, в кого-то он рыж? Не ожидал я этого от него.* О себе тебе скажу, что я работаю лениво, через пень-колоду валяю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня; нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со мной делается. Старым стал, и умом плохим... А ты не брани меня. Машку, *Сашику рыжего* и тебя целую и крещу. Господь с вами» – из письма от 21 октября 1833 года из Болдина в Петербург.

Как видим, почитай в каждом письме Пушкин грубовато, но ласково обращается к своим детям, но из письма в письмо его начинает тревожить поведение красавицы-жены. В этом отношении характерно следующее письмо из Болдина в Петербург от 30 октября 1833 года, которое приводится практически полностью, поскольку именно в нем просматривается начало сюжетной линии, которая, наряду с линией о суицидных намерениях поэта, должны когда-то пересечься в

рии, с 1833 г. – подпоручик с апреля 1835 г. – поручик. Впоследствии генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Пушкин встречался с Огаревым у Карамзиных (1836 г.), судя по переписке Пушкина с женой, оказывал знаки внимания Наталье Николаевне, о чем она сама ему признавалась.

гибельной для поэта точке.

«Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая <...> есть чему радоваться! ...легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут. К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтоб у меня не было этих академических завтраков. Теперь, мой ангел, целую тебя как ни в чем не бывало; и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай. Опиши мне свое появление на балах, пишешь, вероятно, уже открылись. Да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не *comme il faut*, все, что

vulgar...¹¹ Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя. Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; ус да борода – молодцу похвала; выду на улицу, дя-дюшкой зовут. 2) Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался, и уже написал про-пасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обе-даю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов – чи-таю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо... Машу целую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христос с вами. Благословляю и целую вас».

В своем последнем письме из Болдина от 6 ноября 1833 г. Пушкин в более мягкой форме напоминает жене об ответственности за свои поступки, беспокоится о том, чтобы ее поведение не сказалось на крепости семейных уз.

«Друг мой женка, на прошедшей почте я не очень помню, что я тебе писал. Помнится, я был немножко сердит – и, кажется, письмо немного жестко. Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения. Радоваться своими победами тебе нечего. Подумай об этом хорошенько и не беспокой меня напрасно. Я скоро выезжаю,

¹¹ Отзывается невоспитанностью... вульгарно (*фр.*).

но несколько времени останусь в Москве, по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу, – для чего? – Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою.

Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc. etc. Не говоря об *sosuage*, о коем прочел я на днях целую диссертацию в Брантоме¹². Целую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; целую Машку и так далее, до семи раз. Желал бы я быть у тебя к теткиным именинам. Да бог весть».

К большому сожалению, в обширной переписке между мужем и женой во время его длительных отлучек и пребывания Натальи Николаевны в деревне отсутствует вторая ее половина – письма самой Натальи. Но даже при их отсутствии совершенно очевидны их отношения, почти ясен образ Пушкина, однако наличие ее писем внесло бы дополнительный компонент в осознание их непростых отношений. Но где эти письма? До сегодняшнего дня не выяснена причина их отсутствия. Считается, что они не пропали безвозвратно и ис-

¹² Положение рогоносца (*фр.*). Брант Себастьян (ок.1458–1521) – немецкий писатель-гуманист. В книге живых и остроумных стихотворных сатир «Корабль дураков» (1494 г.) вывел различные типы людей, олицетворяющие человеческие пороки, в том числе такие, как распутство, супружеские измены и т. п. («Брантоме»).

кать их следует по линии потомков младшей дочери Пушкиных – Натальи Александровны графини Меренберг. Судя по письмам Пушкина к жене, писем самой Натальи Николаевны к мужу должно быть изрядное количество, но на сегодняшний день известно лишь одно письмо, даже не письмо, а приписка к письму Натальи Ивановны Гончаровой к Пушкину от 14 мая 1834 года из Яропольца в Москву: «С трудом я решилась написать тебе: мне нечего тебе сказать, все свои новости я с оказией сообщила тебе на этих днях. Маман сама хотела отложить письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь испытывать некоторое беспокойство, не получая в течение некоторого времени от нас известий. Это соображение заставило ее победить свой сон и усталость, которые одолели и ее и меня, так как мы весь день пробыли на воздухе. Из письма маман ты увидишь, что мы все чувствуем себя очень хорошо. Поэтому я ничего не пишу на этот счет и кончаю письмо, нежно тебя обнимая. Думаю написать тебе побольше при первой возможности. Прощай, будь здоров и не забывай нас. Понедельник 14 мая 1834. Ярополец».

П.Е. Щеголев так прокомментировал это единственное письмо Н.Н. Пушкиной к мужу: «Первое письмо, которое делается нам известным из писем Н.Н. Пушкиной к мужу, возбуждает конечно живейшее любопытство, но оно остается неудовлетворенным в высшей степени. Слова катятся по этим гладким, ровным французским строкам, как пасхальные яйца по искусственным горкам, не за что ухватиться, не

из чего извлечь ни одной индивидуальной черточки: до того бессодержательно, плоско сообщение Н.Н. Пушкиной. Но, быть может, бессодержательность и есть основная характерная особенность эпистолии жены Пушкина; быть может и не дошедшие пока до нас письма имеют то же отличие. В таком случае, какой уверенный и навязчивый штрих в картине пушкинских будней!

К коллективному письму Н.И. Гончаровой и ее дочери необходимо прибавить несколько пояснений. 15 апреля 1834 г. Н.Н. Пушкина с детьми: дочерью Марией (род. 19 мая 1832 г.) и сыном Александром (род. 6 июля 1833 г.) выехала из Петербурга к своим родным в имения Ярополец и Полотняный завод в Калужской губернии. 16 апреля в своем дневнике Пушкин записал: «Вчера проводил Н.Н. до Ижоры». Б.Л. Модзалевский в комментарии к этому месту дневника пишет: «Уже 17-го апреля, т. е. через сутки по отъезде жены и детей в Москву, а затем в Ярополец и Полотняный завод, Пушкин писал ей нежное письмо: «Что, женка? каково ты едешь? что-то Сашка и Машка? Христос с вами!» и т. д. Это письмо открывает собою длинный ряд прелестнейших писем поэта к жене за апрель, май, июнь, июль и начало августа – время, которое он провел в Петербурге один, в торопливом печатании «Истории Пугачевского бунта». О том, как проводила время Н.Н. Пушкина в имениях своих родных в течение почти четырех месяцев, мы можем судить только из писем самого Пушкина. Среди известных писем Пушкина

нет ответа на опубликованную нами приписку Н.Н. Пушкиной, так как письмо Пушкина от 29 мая написано уже в ответ на известное нам письмо Н.Н. Пушкиной, в котором она сообщала поэту о «зубке Машином» и добавляла: «о себе не пишу, потому что не интересно».

О желании Пушкина посетить Ярополец и Полотняные заводы, о котором Пушкин писал Н.И. Гончаровой в неизвестном нам письме, было известно из письма Пушкина к жене от первой половины июля 1834 г.: «Ты хочешь непременно знать, скоро ли я у твоих ног? Изволь, моя красавица: я закладываю имение отца; это кончено будет через неделю. Я печатаю Пугачева; это займет целый месяц. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тут уж я к тебе и явлюсь и обниму тебя, и детей расцелую...»

Приехать Пушкину к жене удалось лишь 21 августа, пробыл он в Полотняном заводе до начала сентября, когда вместе с женой поехал в Москву.

Возвратилась Наталья Николаевна в Петербург не одна, а со своими сестрами, Екатериной и Александриной. Пушкин был принципиально против совместной с родственниками жизни, но он знал ужасающую семейную обстановку, в которой жили сестры Гончаровы. В московском доме царил сумасшедший, во времена буйный отец, Николай Афанасьевич; в имении в Яропольце безобразничала распущенная мамаша Наталья Ивановна. На вопрос Соболевского, – «Зачем ты берешь этих барышень?» – Пушкин отвечал: «Она

целый день пьет и со всеми лакеями <...>. Пушкин не любил и не уважал матери своей жены, да и не за что было питать подобные чувства к этой опустившейся и развращенной помещице. На склоне лет она была притчей во языцех у всех соседей по имению; пила по-черному и утешалась ласками крепостных лакеев по очереди. От созерцания таких бытовых картин и увезла Наталья Николаевна своих сестер в Петербург осенью 1834 года, осложнив и до того не простые отношения со своим мужем, которые то и дело омрачались материальными и психологическими проблемами.

Протоиерей С. Булгаков ссылался на мнение Достоевского, что в жене Пушкина соблазнительное смешение мадонны и Венеры. Она мадонна-фрейлина, мадонна-хозяйка, мадонна, рожавшая одного за другим детей. Поэт хочет сбросить с себя цепи, которые, погорячившись, надел. Он укрывается в дионисиуме и гедонизме, по выражению отца Булгакова, – «в духовном обывательстве»¹³. Жизнь поэта раздваивается, он, хотя и своеобразно, но исполняет свой семейный долг. Он все еще, судя по его письмам, любит жену. В ее письмах к брату, дошедших до нас, практичность, провинциальная пошлость, бесконечные просьбы прислать денег. Письма Пушкина, в свою очередь, есть свидетельства того, как поэт

¹³ *Дионисии* – в Древней Греции празднества в честь Диониса (Вакха) – бога виноградарства и виноделия. Гедонизм (от греческого *hedone* – удовольствие) – направление в этике, утверждающее наслаждение, удовольствие как высшую цель и основной мотив человеческого поведения. В античности развит Аристиппом и киренской школой.

приноравливается к уровню и вкусам провинциалки-жены.

Пытался ли он поднять ее, заинтересовать, сделать образованней, ближе к себе по духу? Убедился, что это невозможно, или спервоначала отделил свою деловую и духовную жизнь от семейной и жил этой жизнью с другими, не очень допуская жену в свое святая святых? Ведь если в его письмах к ней идет речь о литературе, то только с точки зрения извлечения доходов. А если о жизни, то единственно о тривиальных сплетнях, кокетстве, ревности. Ревность оказалась едва ли не самым сильным чувством в спектре Натальи Николаевны, и, нам кажется, она в том не виновата. Она ревновала Пушкина к друзьям, ко всем его старым подругам. И, конечно, к новым. Относительно последних у нее были основания. Увидев симпатичную женщину, поэт загорался мгновенно, и брак ему в этом не мешал. «Жена Пушкина часто и преискренно страдает мучениями ревности, – свидетельствует Софья Карамзина, дочь историографа, – потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа». Впрочем, сам он уже не считает других женщин посредственными.

Помятуя, что сам поэт признавался, что Наталья Николаевна его 113-я женщина, Ю. Дружников попытался продолжить «полный» донжуанский список Пушкина.

«Вслед за поэтом, можно продолжить Донжуанский список его возлюбленных, появляющихся параллельно Наталье Николаевне. № 114 – графиня Надежда Соллогуб, № 115 –

Александра Смирнова, № 116 – графиня Дарья Фикельмон, № 117 – белокурая красавица Амалия Крюднер, за которой Пушкин энергично ухаживал при жене на балу у Фикельмонов. Наталья, заметив это, уехала, а дома вlepила мужу пощечину. Поэт со смехом сообщал Вяземскому, что «у его мадонны рука тяжеленька».

Пушкина была прекрасна, но отнюдь не вне конкуренции, как гласит миф. Или – к этому времени перестала быть прекрасней всех в глазах поэта, поскольку появилась серьезная соперница – прелестная баронесса Амалия Крюднер. Тютчев посвятил ей «Я помню время золотое». Кстати, ею был занят Николай I в 1838 году, а затем уступил баронессу Бенкендорфу.

За Крюднер в перечне поэта следует № 118 – графиня Елена Завадовская, о которой персидский принц Хозрев-Мирза сказал, что каждая ресница этой красавицы ударяет в сердце.

Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Долго считали, что стихотворение Пушкина «Красавица» посвящено Наталье Николаевне, но оказалось, что оно вписано самим поэтом в альбом графине Елене Завадовской. Таким образом, через год после женитьбы по сравнению с № 118 – Завадовской – его собственная Мадонна № 113 отходит в тень, в «красавиц наших бледный круг». А в Пе-

тербурге уже слухи об ухаживаниях его за Эмилией Мусиной-Пушкиной – это будет наш условный № 119. Новые его женщины оказывались лучше хотя бы тем, что были новыми».

Забыл «дуэлянт с пушкинистами» упомянуть имя Анны Давыдовны Абамелек (Баратынской), которой увлекался не только Пушкин, но и другие поэты: П.А. Вяземский, В.П. Шемиот, И.И. Козлов и С.Е. Раич, то есть это уже будет № 120 «Полного» списка.

Каждая новая влюбленность Пушкина служила источником его поэтического вдохновения, и будь он «однолюбом» после женитьбы на своей мадонне, мы бы недосчитались многих шедевров любовной лирики поэта.

№ 114: Надежда Львовна Соллогуб (1815–13.01.1903) – дочь Льва Ивановича Соллогуба (род. 1785 г.) и графини Анны Михайловны, урожденной княгини Горчаковой (сестры Александра Михайловича Горчакова – лицейского товарища Пушкина), двоюродная сестра Владимира Александровича Соллогуба (08.08.1813–05.06.1882 гг.), писателя и страстного поклонника таланта А.С. Пушкина, фрейлина великой княгини Елены Павловны. В 1836 году вышла замуж, будучи за границей, за Алексея Николаевича Свистунова (1808–08.04.1872 г.), брата декабриста П.Н. Свистунова. Встреча с Пушкиным состоялась в сентябре 1832 года, в дальнейшем были встречи вплоть до мая 1834 года, когда Надежда Львовна выехала за границу. Есть основания полагать, что Пуш-

кин провожал ее до Кронштадта, получив на это разрешение сроком на 2 дня.

По свидетельству Вяземской, Пушкин открыто ухаживал за Н.Л. Соллогуб, что вызывало ревность Н.Н. Пушкиной. А.Н. Карамзин в письме к Вяземской от середины октября 1834 года писал о «постоянной ненависти Натальи Николаевны к Надежде Львовне Соллогуб. Свое чувство к Н.Л. Соллогуб поэт выразил в прекрасном стихотворении «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»:

К ***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное создание,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Все – даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

5.10.1832 г. При жизни поэта не печаталось.

№ 115: Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет (06.03.1809–07.07.1882) – дочь французского эмигранта Осипа Ивановича Россета, коменданта Одесского порта и его жены Надежды Ивановны, урожденной Лорер (сестры декабриста Н.И. Лорера), сестра Александра, Аркадия, Иосифа и Клементия Россетов. С октября 1826 года фрейлина, с января 1832 года жена Николая Михайловича Смирнова (16.05.1808–04.03.1870) – чиновника Министерства иностранных дел. Познакомилась с Пушкиным в 1828 году на балу у Е.М. Хитрово, который посвятил ей стихотворение «Глаза». Период их общения охватывает (с перерывами) 1828 – март 1835 гг. До женитьбы Пушкин посвящает А.О. Смирновой стихотворения: «Полюбуйтесь же вы, дети» (1830 г.), «От вас узнал я план Варшавы» (1831 г.), а после женитьбы – «В тревоге пестрой и бесплодной».

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,

И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

18.03.1832 г.

Высоко ценя ум и блестящий дар рассказчика Александры Осиповны, Пушкин побуждал ее писать свои записки. С этой целью он подарил ей в день рождения большой альбом, на заглавном листе которого написал: «Исторические записки А.О.С.» и ниже – эти стихи, которые должны были служить эпиграфом к будущим запискам Смирновой. Этим объясняется то, что стихи написаны от ее имени. Записки А.О. Смирновой, урожденной Россет, были опубликованы ее дочерью Ольгой Николаевной Смирновой в 1894 году. В советское время книга оказалась под запретом, поскольку считалось, что воспоминания А.О. Смирновой-Россет сфальсифицированы ее дочерью. Книга переиздана практически через сто лет (М., «Московский Рабочий», 1999 г.).

Александра Осиповна отличалась незаурядным умом, образованностью и привлекательностью. Была дружна со всем петербургским пушкинским литературным кругом (П.А. Вяземский, В.В. Жуковский, А.И. Тургенев, Карамзины, позднее Гоголь и Лермонтов). Ей посвятили свои стихотворения П.А. Вяземский, А.С. Хомяков, В.А. Жуковский, Е.П. Ростопчина, М.Ю. Лермонтов, В.И. Туманский, И.С. Аксаков. Интересно отметить, что два последних стиха М.Ю. Лермон-

това из стихотворения «А.О. Смирновой» стали крылатыми:

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу,
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
*Все это было бы смешно —
Когда бы не было так грустно.*

1840 г. (курсив мой. – А.К.).

№ 116: Дарья (Долли) Федоровна (Фердинандовна) Фикельмон, урожденная графиня Тизенгаузен (14.10.1804–10.04.1863), графиня, внучка М.И. Кутузова, дочь Е.М. Хитрово, с июля 1821 года жена графа Шарля-Луи Фикельмона (23.03.1777–06.09.1857 гг.), австрийского посланника в Петербурге (1829–1839 гг.), впоследствии австрийского министра иностранных дел, литератора, публициста. Пушкин познакомился с Фикельмон в начале ноября 1829 года и стал частым посетителем ее и матери салонов в здании австрийского посольства. По словам П.И. Бартетева, Дарья Федоровна «по примеру своей матери, высоко ценила и горячо лю-

била гениального поэта».

Пушкин не посвятил Дарье Федоровне Фикельмон отдельных стихотворений, но черты ее узнаются в некоторых его сочинениях, в частности, в «Евгении Онегине» (XIV–XVI строфы главы восьмой) в образе Татьяны-княгини:

Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
*Du comte il faut.*¹⁴ (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести).

Образ Фикельмон просматривается в нескольких незаконченных прозаических произведениях Пушкина, в частности, в «Египетских ночах», где она увековечена в образе «молодой величавой красавицы», которая пришла на помощь бедному итальянскому импровизатору в начале его

¹⁴ Благородства (*фр.*).

выступления перед экзальтированной публикой, собравшейся в салоне, удивительно напоминавшем салон самой графини.

Необходимо было выбрать тему для импровизации маэстро на этом вечере из тех, которые в виде записок находились в урне. Никто из присутствующих не решался сделать выбор, дело принимало нешуточный оборот, – вечер грозил сорваться: «Импровизатор обвел умоляющим взором первые ряды стульев. Ни одна из блестящих дам, тут сидевших, не тронулась. Импровизатор... страдал... вдруг заметил он в стороне поднимающуюся ручку в белой маленькой перчатке, он с живостью оборотился и подошел к *молодой величавой красавице, сидевшей на краю второго ряда*. Она встала безо всякого смущения и со всевозможною простотою опустила в урну аристократическую ручку и вынула сверток.

– Извольте развернуть и прочитать, – сказал импровизатор. Красавица развернула бумажку и прочла вслух: – «Cleopatra e i suoi amanti¹⁵».

Тема страстей египетской царицы Клеопатры особенно ярко обозначена Пушкиным в другом незаконченном произведении «Мы проводили вечер на даче», хозяйка которой «княгиня Д», по мнению Н.А. Раевского и других пушкинистов, является прототипом графини Фикельмон. Тема произведения весьма оригинальна и спорна, но только не для Пушкина. Речь идет о том, способен ли влюбленный мужчи-

¹⁵ Клеопатра и ее любовники (*ит.*)

на пожертвовать своей жизнью ради одной ночи, проведенной с любимой. По легенде этим пользовалась Клеопатра:

«Я вызываю – кто приступит?
Свои я ночи продаю,
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

В салонном споре, возникшем по поводу того, сможет ли случиться подобная ситуация, когда влюбленный мужчина может пожертвовать своей жизнью ради одной ночи, проведенной в объятиях возлюбленной, в наше время, Пушкин, словами героя рассказа – Алексея Ивановича, решительно заявляет, что сможет. Приведем фрагмент этого загадочного произведения, в котором Пушкин четко высказывает долгое время вынашиваемую им мысль о самовольном уходе из жизни:

«— Этот предмет должно бы доставить маркизе Жорж Занд, такой же бесстыднице, как и ваша Клеопатра. Она ваш египетский анекдот переделала бы на нынешние нравы.

— Невозможно. Не было бы никакого правдоподобия. Этот анекдот совершенно древний. Таковой торг нынче несбыточен, как сооружение пирамид.

— Отчего же несбыточен? Неужто между нынешними женщинами не найдется ни одной, которая захотела бы испытать на самом деле справедливость того, что

твердят ей поминутно: что любовь ее была бы дороже им жизни.

– Положим, это и любопытно было бы узнать. Но каким образом можно сделать это ученое испытание? Клеопатра имела всевозможные способы заставить должников своих расплатиться. А мы? Конечно: ведь нельзя же такие условия написать на гербовой бумаге и засвидетельствовать в Гражданской палате.

– Можно в таком случае положиться *на честное слово*.

– Как это?

– Женщина может взять с любовника его честное слово, что на другой день он застрелится.

– А он на другой день уедет в чужие края, а она останется в дурах.

– Да, если он согласится остаться навек бесчестным в глазах той, которую любит. Да и самое условие неужели так тяжело? *Разве жизнь уж такое сокровище что ее ценою жаль и счастья купить? Посудите сами: первый шалун, которого я презираю, скажет обо мне слово, которое не может мне повредить никаким образом, и я подставляю лоб под его пулю, – я не имею право отказать в этом удовольствии первому забияке, которому вздумается испытать мое хладнокровие. И я стану трусить, когда дело идет о моем блаженстве? Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями! И что в ней, когда наслаждения ее истощены?*

– Неужели вы в состоянии заключить такое условие?

...

В эту минуту Вольская, которая во все время сидела молча, опутив глаза, быстро устремила их на Алексея Иваныча.

— Я про себя не говорю. Но человек, истинно влюбленный, конечно не усумнится ни на одну минуту...

— Как! даже для такой женщины, которая бы вас не любила? (А та, которая согласилась бы на ваше предложение, уж верно б вас не любила). Одна мысль о таком зверстве должна уничтожить самую безумную страсть...

— Нет, я в ее согласии видел бы одну только пылкость воображения. А что касается до взаимной любви... то я ее не требую: если я люблю, какое тебе дело?..

— Перестаньте — бог знает, что вы говорите. — Так вот чего вы не хотели рассказать».

1835 г. (Курсив мой. — А.К.).

Пушкин не случайно дважды обращается к легенде о царице Клеопатре и страшной расплате, которая ждала любовника, пожелавшего провести ночь в ее объятиях, поскольку сам испытал эти чувства, попав в подобное положение. Речь идет об интимной близости поэта с графиней Фикельмон непосредственно в здании австрийского посольства, о чем он сам поведал одному из своих близких друзей П.В. Нащокину, который, в свою очередь, рассказал об этом биографу Пушкина П.И. Бартеневу, без малого, через пятнадцать лет после смерти Пушкина.

Рассказ П.В. Нащокина, ставший известным лишь в 1922 году, до сегодняшнего дня вызывает споры среди пушкинистов, некоторые считают его импровизацией Пушкина, которая нашла свое отражение в «Пиковой даме». Однако мнение авторитетнейшего из пушкинистов М.А. Цявловского, который считал, что любовное приключение действительно имело место быть, постепенно успокоило страсти и ныне признается практически всеми серьезными исследователями. Обратимся к версии этого события, приведенной в сочинении писателя-пушкиниста Николая Алексеевича Раевского, опустившего, кстати, наиболее интимные подробности романтического приключения поэта. Рассказ ведется по записи, сделанной П.И. Бартеневым, в ходе беседы с П.В. Нащокиным в 1851 году.

«Начало записи таково: «Следующий рассказ относится уже к совершенно другой эпохе жизни Пушкина. Пушкин сообщил его за тайну Нащокину и даже не хотел первый раз сказать имя действующего лица, обещая открыть его после». Далее приводится характеристика некоей блестящей светской дамы, однажды назначившей поэту свидание в своем роскошном доме. «Пушкин рассказал Нащокину свои отношения к ней по случаю их разговора о силе воли. Пушкин уверял, что при необходимости можно удержаться от обморока и изнеможения, отложить их до другого времени».

Вечером Пушкину удалось войти незамеченным в дом и, как было условлено, расположиться в гостиной. «Наконец,

после долгих ожиданий, он слышит: подъехала карета. В доме засуетились. Двое лакеев внесли канделябры и осветили гостиную <...> Хозяйка осталась одна <...>.

Дальнейший рассказ в передаче Бартенева звучит слишком пошло. Касаться его мы не будем. Существенно то, что свидание затянулось и, «когда Пушкин наконец приподнял штору, оказалось, что на дворе белый день».

Положение было крайне опасным. Прибавим от себя – все, чем жила Долли, могло рухнуть в одно мгновение... Она попыталась сама вывести Пушкина из особняка, но у стеклянных дверей выхода встретила дворецкого. Вот тут-то, по словам Нащокина, «Пушкин сжал ей крепко руку, умоляя ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его как для него, так и для себя самой. Женщина преодолела себя».

На полях тетради есть заметки, сделанные не рукой Бартенева. В них говорится о тождестве героини приключения с графиней Фикельмон, что, впрочем, и так ясно из содержания записи. Еще одна пометка гласит: «ожидание Германна в «Пиковой даме».

На первый взгляд все это приключение кажется совершенно неправдоподобным. Умная, житейски опытная женщина вдруг назначает интимное свидание у себя в посольском особняке, полном прислуги, и в ту ночь, когда муж дома. Поэт проникает туда, никем не замеченный, ждет хозяйку, потом проводит всю ночь в ее спальне... Все это очень

уж похоже на веселую, затейливую и не очень пристойную выдумку в духе новелл итальянского Возрождения.

Неудивительно, что опубликование записи Бартенева вызвало ожесточенные споры между пушкинистами, которые время от времени возобновляются и в наши дни, хотя исследователи не сомневаются в том, что рассказ о приключении с Долли действительно восходит к Пушкину.

Вопрос ставится иначе: не сочинил ли эту историю сам поэт? Так именно посмотрел на рассказ друга Пушкина Л.П. Гроссман. По его мнению, «Пушкин художественно мистифицировал Нащокина, так же, как он увлекательно сочинял о себе небылицы дамам, или, по примеру Дельвига, сообщал приятелям «отчаянные анекдоты» о своих похождениях». Написанная с немалым блеском статья Гроссмана «Устная новелла Пушкина» в свое время имела успех, и до сих пор еще некоторые исследователи разделяют мнение автора».

Дополнительным аргументом в пользу того, что это романтическое приключение не выдуманно Пушкиным, является свидетельство С.А. Соболевского, который прочитал тетрадь Бартенева и сделал на полях ряд пометок, уточняющих отдельные детали рассказа П.В. Нащокина.

Однако сама сцена любовного приключения не вызвала с его стороны никаких возражений, поскольку он доподлинно знал, что вся эта история не вымысел.

Еще одно прямое доказательство подлинности истории находим у П.В. Анненкова, который, собирая свои материа-

лы к биографии Пушкина, записал с чьих-то слов: «Жаркая история с женой австрийского посланника»¹⁶.

Но наиболее убедительным аргументом в пользу подлинности этого приключения, является повесть «Пиковая дама», написанная осенью 1833 года в Болдине и опубликованная в альманахе «Библиотека для чтения», 1834, Т. II, кн. 3. Эту повесть Пушкин сам читал своему другу П.В. Нащокину, который впоследствии рассказывал П.И. Бартеневу, что «главная завязка повести не вымышлена. Старуха графиня – это Наталья Петровна Голицына, мать Дмитрия Владимировича, московского генерал-губернатора, действительно жившая в Париже в том роде, как описал Пушкин. Внук ее, Голицын, рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже С.-Жерменем. «Попробуй», – сказала бабушка. Внучок поставил карты и отыгрался. Дальнейшее развитие повести все вымышлено». По свидетельству Бартенева, «Нащокин заметил Пушкину, что графиня не похожа на Голицыну, но что в ней больше сходства с Натальей Кирилловной Загряжского, другою старухой (теткой жены поэта. – А.К.). Пушкин согласился с этим замечанием и отвечал, что ему легче было изобразить Загряжскую, чем Голицыну, у которой характер и привычки были сложнее...»¹⁷

¹⁶ Б.Л. Модзалевский. «Пушкин», Л. «Прибой», 1929. С. 341.

¹⁷ В сборнике: «А.С. Пушкин в воспоминаниях современников». – В 2-х то-

Николай Алексеевич Раевский приводит в своей книге отдельные эпизоды из «Пиковой дамы» (в частности, фрагменты из записки воспитанницы старой графини Лизаветы Ивановны, брошенной через окно к ногам Германа): «Итак, записи Бартенева приходится верить.

Совершенно того не подозревая, мы еще с детских лет знали начало этого приключения, – как поэт проник в особняк и ожидал возвращения хозяйки.

Помните, читатель, эти места «Пиковой дамы»? «Сегодня бал у ...ского посланника. Графиня там будет. Мы останемся часов до двух. Вот вам случай увидеть меня наедине. Как скоро графиня уедет, ее люди, вероятно, разойдутся, в сенях останется один швейцар, но и он, обыкновенно, уходит в свою комнату. Приходите в половине двенадцатого. Ступайте прямо на лестницу. Коли вы найдете кого в передней, то вы спросите, дома ли графиня. Вам скажут нет, – и делать нечего. Вы должны будете воротиться. Но вероятно вы не встретите никого. Девушки сидят у себя, все в одной комнате. Из передней ступайте налево, идите все прямо до графининой спальни. В спальне за ширмами увидите две маленькие двери: справа в кабинет, куда графиня никогда не входит; слева в коридор, и тут же узенькая витая лестница:

мах, Т.2. М., «Художественная литература», 1985. С. 234. *Голицына Наталья Петровна*, урожденная графиня Чернышева, княгиня (17.01.1741–20.12.1837) – фрейлина «при пяти императорах». Петербургская великосветская знакомая Пушкина. Сохранился благоприятный отзыв Голицыной о «Кавказском пленнике». *Граф Сен-Жермен* – французский алхимик и авантюрист конца XVIII века.

она ведет в мою комнату». Как видим, писано как бы с натуры.

<...> Ровно в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и вошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. Германн взбежал по лестнице, отворил двери в переднюю и увидел слугу, спящего под лампою в старинных, запачканных креслах. Легким и твердым шагом Германн прошел мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освещала их из передней. Германн вошел в спальню <...> Но он воротился и вошел в темный кабинет. Время шло медленно. Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать – и все умолкло опять. Германн стоял, прислонясь к холодной печке. Он был спокоен; сердце его билось ровно, как у человека, решившегося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй час утра, – и он услышал дальний стук кареты. Невольное волнение овладело им. Карета подъехала и остановилась. Он услышал стук опускаемой подножки. В доме засуетились <...>

Как видим, между рассказом Нащокина и текстом «Пиковой дамы» действительно есть большое сходство. Возможно, правда, что Нащокин, передавая рассказ Пушкина, еще несколько усилил его. Вряд ли, например, забыв многое существенное, он действительно помнил такую подробность, как стук подъезжавшей кареты. Скорее всего, Павел Воинович невольно заимствовал ее из пушкинской повести. Тем

не менее сходство между обоими повествованиями остается несомненным.

Картина проникновения Германна во дворец графини полна конкретных подробностей и вполне правдоподобна. Возможно, что Пушкин и в самом деле здесь точно описал начало своего собственного приключения. Нащокин эти подробности запомнил и ограничился мало что говорящей фразой: «Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец...»

Сравнивая вышеприведенные цитаты из «Пиковой дамы» с фрагментами записей Бартенева, приведенные Н. А. Раевским, остро ощущаешь отсутствие тех «интимных подробностей», от которых автор «уберег» целомудренных читателей («Дальнейший рассказ в передаче Бартенева звучит слишком пошло. Касаться его мы не будем»). Однако, чтобы уловить тесную связь, существующую между романтическим приключением Пушкина во дворце графини Фикельмон и рассуждениями Алексея Ивановича о суровой плате за ночь, проведенную в объятиях любимой женщины, из незаконченного произведения Пушкина «Мы проводили вечер на даче», приходится привести в подлиннике рассказ П.В. Нащокина (в изложении Бартенева): «Следующий рассказ относится уже к совершенно другой эпохе жизни Пушкина. Пушкин сообщил его за тайну Нащокину и даже не хотел на первый раз сказать имени действующего лица, обещал открыть его после.

«Уже в нынешнее царствование, в Петербурге, при дворе была одна дама, друг императрицы, стоявшая на высокой ступени придворного и светского значения. Муж ее был гораздо старше ее, и, несмотря на то, ее молодые лета не были опозорены молвой; она была безукоризненна в общем мнении любящего сплетни и интриги света. Пушкин рассказал Нащокину свои отношения к ней по случаю их разговора о силе воли. Пушкин уверял, что при необходимости можно удержаться от обморока и изнеможения, отложить их до другого времени. Эта блистательная, безукоризненная дама наконец поддалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец; по условию он лег под диваном в гостиной и должен был дожидаться ее приезда домой. Долго лежал он, теряя терпение, но оставить дело было уже невозможно, воротиться назад — опасно.

Наконец, после долгих ожиданий, он слышит: подъехала карета. В доме засуетились. Двое лакеев внесли канделябры и осветили гостиную. Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины: они возвращались из театра или из дворца. Через несколько минут разговора фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна. «Etes-vous là?»¹⁸, и Пушкин перед нею. Они перешли в спальню. Дверь была заперта; густые, роскошные гардины задернуты. Начались восторги сладострастия. Они играли, веселились. Пред камином была

¹⁸ Вы здесь? (*фр.*)

разостлана пышная полость из медвежьего меха. Они разделись донага, вылили на себя все духи, какие были в комнате, ложились на мех...

Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец, Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Он наскоро, кое-как оделся, поспешая выбраться. Смущенная хозяйка ведет его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали. У самых дверей они встречают дворецкого, итальянца. Эта встреча до того поразила хозяйку, что ей сделалось дурно; она готова была лишиться чувств, но Пушкин, сжав ей крепко руку, умолял ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его, как для него, так и для себя самой. Женщина преодолела себя. В своем критическом положении они решились прибегнуть к посредству третьего. Хозяйка позвала свою служанку, старую, чопорную француженку, уже давно одетую и ловкую в подобных случаях. К ней-то обратились с просьбою провести из дому. Француженка взялась. Она свела Пушкина вниз, прямо в комнаты мужа. Тот еще спал. Шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за ширм он спросил: «Кто здесь?» – «Это – я», – отвечала ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел: если б кто его здесь и встретил, то здесь его появление уже не могло быть предосудительным. На другой же день Пушкин предложил итальянцу-дворецкому золотом 1000 руб., чтобы он молчал,

и хотя он отказывался от платы, но Пушкин принудил его взять. Таким образом все дело осталось тайною. Но блистательная дама в продолжение четырех месяцев не могла без дурноты вспомнить об этом происшествии»¹⁹.

А теперь представим на минуту, что Долли не смогла удержать себя, увидев дворецкого, и грохнулась в обморок. Интрига прошедшей ночи стала бы известна всему дому, и, прежде всего, мужу – графу Шарлю-Луи Фикельмону, и что оставалось делать ночному шалуну?

Чтобы соблюсти приличия, сохранив семейную тайну от общества, Пушкину следовало бы немедленно застрелиться, смертью своей покрыв позор любимой им, хотя на миг, женщины. Именно об этой готовности и говорит писатель в вышеупомянутом незаконченном рассказе «Мы проводили вечер на даче». Повторим этот важный момент: *«Да и самое условие неужели так тяжело? Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастья купить? Посудите сами: первый шалун, которого я презираю, скажет обо мне слово, которое не может мне повредить никаким образом, и я подставляю лоб под его пулю, – я не имею права отказать в этом удовольствии первому забияке, которому вздумается испытать мое хладнокровие. И я стану трусить, когда дело идет о моем блаженстве? Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями! И что в ней, когда наслаждения ее истощены?»*

¹⁹ В сборнике: «А.С. Пушкин в воспоминаниях современников». С. 227–229.

Только стечение благоприятных для любовников обстоятельств позволило Пушкину избежать неминуемой смерти в качестве расплаты за ночь блаженства с новоявленной «Клеопатрой». Напомним финальную сцену салонного спора «на даче у княгини Д»:

«Алексей Иваныч сел подле Вольской, наклонился, будто рассматривал ее работу, и сказал ей вполголоса:

– Что вы думаете об условии Клеопатры?

Вольская молчала. Алексей Иваныч повторил свой вопрос.

– Что вам сказать? И нынче иная женщина дорого себя ценит. Но мужчины девятнадцатого столетия слишком хладнокровны, благоразумны, чтоб заключить такие условия.

– Вы думаете, – сказал Алексей Иваныч голосом, вдруг изменившимся, – вы думаете, что в наше время, в Петербурге, здесь, найдется женщина, которая будет иметь довольно гордости, довольно силы душевной, чтоб предписать любовнику условия Клеопатры?

– Думаю, даже уверена.

– Вы не обманываете меня? Подумайте, это было бы слишком жестоко, более жестоко, нежели самое условие...

Вольская взглянула на него огненными пронзительными глазами и произнесла твердым голосом:

– *Нет.*

Алексей Иваныч встал и тотчас исчез».

Как видим, одна такая женщина в Петербурге нашлась, поскольку условия, при которых она позволила провести в своих объятиях безумную ночь, были поистине смертельно опасны для него, что не остановило Пушкина в желании сыграть в смертельно опасную «рулетку».

Пушкин не мог не задумываться над тем, а был ли он первым «смертником» у «Клеопатры»? На этот вопрос постарался ответить Н.А. Раевский:

«Интересно также отметить, что в 1917 году вдумчивый пушкинист Н.О. Лернер обратил внимание на странное несоответствие мыслей Германна, уходившего из дома графини, с только что разыгравшейся по его вине драмой: «По этой самой лестнице, думал он, может быть лет шестьдесят назад, в эту самую, спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный à l'oiseau royal²⁰, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле, а сердце престарелой его любовницы сегодня перестало биться...»

Комментатор «Пиковой дамы» считает, что «психологически недопустимыми кажутся нам мысли, с которыми Германн покидает на рассвете дом умершей графини. Думать о том, кто прокрадывался в спальню молодой красавицы шестьдесят лет назад, мог в данном случае автор, а не Германн, потрясенный «невозвратной потерей тайны, от которой ожидал обогащения». С таким настроением не вяжутся

²⁰ «À l'oiseau royal» – королевской птицей (*фр.*).

эти мысли, полные спокойной грусти».

Н.О. Лернеру рассказ Нащокина в 1917 году, был неизвестен, но, зная его, нельзя, мне кажется, не согласиться с мнением этого пушкиниста, что в данном случае так мог думать автор, а не Германн... Возможно, что перед нами еще одна автобиографическая подробность – благополучно уйдя из посольского особняка, поэт мог спросить себя, может быть, и с ревнивой грустью: не было ли у него предшественников на этом пути?...»

Остается только прояснить вопрос, когда произошел этот романтический эпизод в жизни двух незаурядных любовников, который в какой-то мере угнетал их обоих до конца жизни. Сначала спор между пушкинистами шел о том, до или после женитьбы Пушкина случилась эта встреча. В биографическом плане этот вопрос далеко не праздный. Связь с графиней, если она имела место до женитьбы Пушкина, осложнить его семейной жизни не могла. Наталья Николаевна, конечно, знала немало о прошлых увлечениях мужа. Рассказы о них, обычно приукрашенные, шли по всей России. Недаром она начала ревновать, еще будучи невестой. Дело обстоит иначе, если этот роман – одна из любовных провинностей женатого поэта. В очень запутанной под конец семейной жизни Пушкина она могла стать своего рода лишней гирей на домашних весах. Со временем все-таки была принята версия, что этот эпизод относится ко времени, когда Пушкин был уже женат. В пользу этой версии приводятся сле-

дующие аргументы. Из переписки Дарьи Федоровны следует, что в 1830–1831 годах ее сердце принадлежало П.А. Вяземскому, поскольку в письме от 12 декабря 1831 года она писала ему: «... я рассчитываю на хороший уголок в вашем сердце, откуда я не хочу, чтобы меня выжили и где я останусь вопреки вам самому». Кроме того, сам П.А. Вяземский удивлялся тому, что в этот период Пушкин не был влюблен в графиню Фикельмон, а поскольку он сам был сильно увлечен Долли, то наверняка бы почувствовал в своем друге соперника, если бы поэт был таковым. Да и вряд ли в первый год женитьбы Пушкин стал бы искать удовольствий на стороне, поскольку его занимал другой, далеко на праздный вопрос – почему ни в медовый месяц, ни в «медовые полугода» у них с Натальей Николаевной что-то не получалось? Лишь в августе 1831 года она наконец-то забеременела и 19 мая 1832 года родила дочь Марию. Кто виноват? Вопрос еще более «обострился», когда Наталья Николаевна забеременела после рождения дочери в октябре этого же года при отсутствии мужа в Петербурге (старший сын Александр родился 6 июля 1833 года). Таким образом, романтическое приключение Пушкина с Долли Фикельмон скорее всего случилось в зиму 1832/33 года по двум причинам. Во-первых, Наталья Николаевна находилась на третьем месяце беременности, а, во-вторых, возникла острая необходимость пройти своеобразный тест на соответствие вопросу «Кто виноват?», то есть, не приближается ли то самое время в жизни мужчи-

ны, «когда наслаждения ее истощены». О том, что дело было зимой, говорит тот факт, что в это время в посольстве топили печи, и, наконец, уже в августе 1833 года Пушкин читал Нащокину рукопись «Пиковой дамы», написанной по «горячим следам».

Н.А. Раевский приводит свой аргумент в пользу «осенне-зимней» версии 1832–1833 гг: «Никто из исследователей, если не ошибаюсь, не обратил, однако, внимания на тот факт, что в 1830–1831 годах графиня Фикельмон неоднократно упоминает о Пушкине и его жене в дневнике и в письмах. Упоминает о них и в 1832 году – в последний раз 22 ноября, но затем фамилия поэта внезапно исчезает из дневника на ряд лет – вплоть до записи о дуэли и смерти. Не упоминается она больше и в письмах Дарьи Федоровны. Ссоры между ними не произошло – Пушкин, как видно из его дневника, продолжал бывать на обедах и приемах в австрийском посольстве. Нет сведений и о том, чтобы он прекратил посещения салона Хитрово-Фикельмон. Нельзя, наконец, объяснить молчание Долли ее болезнью – в 1833 году она, во всяком случае, как и раньше, регулярно вела дневник, много выезжала и принимала у себя. Ее записи становятся нерегулярными только с 1834 года».

Таким образом, Н.А. Раевский «вычислил» даже дату события, которое стало в известной степени своеобразной вехой в отношениях поэта с женой – 22 ноября 1832 года. Для подтверждения выдвинутой версии обратимся к дневнико-

вым записям графини Д.Ф. Фикельмон, сделанным накануне.

Середина ноября 1832 года: в петербургском обществе бытует мнение, что Пушкин увлечен Эмилией Карловной Мусиной-Пушкиной (урожденной Шернваль фон Валлен), и Долли записывает в своем дневнике: «Графиня Пушкина очень хороша в этом году, она сияет новым блеском благодаря поклонению, которое ей воздает Пушкин-поэт».

Двадцатое ноября, воскресенье: в доме Фикельмонов устроен раут, на котором присутствовали Пушкин с женой. Дарья Федоровна заносит в свой дневник последнюю запись, где упоминается чета Пушкиных: «Самой красивой вчера была, однако ж, Пушкина, которую мы прозвали поэтической, как из-за ее мужа, так и из-за ее небесной и несравненной красоты».

Не в этот ли вечер Пушкину удалось «растопить лед», существовавший в отношении его в период увлечения Дарьи Федоровны другом поэта П.А. Вяземским. Да и сама дневниковая запись как бы заявляет: «А чем я хуже», тем более, что по жизни она всегда была склонна к «эскападам», порой весьма рискованным. По этому поводу Н.А. Раевский рассказывает о нескольких более ранних увлечениях графини, среди которых хорватский генерал-губернатор Елачич – ее ровесник, юный австрийский император Франц-Иосиф, а также платоническая увлеченность («влюбленная дружба») императором Александром I, после чего заключает: «Думаю,

что образ Долли, страстной по натуре женщины, любившей своего старого мужа, но, видимо, любившей и свою молодую жизнь, не покажется теперь уж несовместимым с возможностью увлечения и более опасного», как это случилось с Пушкиным, на грани смертельного риска.

Не исключено, что на столь рискованное любовное приключение Пушкина подтолкнуло известие еще об одном самоубийстве собрата по перу. Речь идет об английском поэте и публицисте Чарльзе Калеве Колтоне (1780–1832). Колтон был сыном священника, учился в Итоне. Неоднократно менял занятия, однако прославился прежде всего как спортсмен-рыболов, охотник и азартный игрок. Автор многократно переиздававшегося сборника афоризмов «Лакон, или Много в немногих словах для думающих людей» (1820–1822). Жил в Америке, во Франции, несколько раз богател и разорялся. Тяжело больной, застрелился по весьма странной причине: врачи сказали, что он должен подвергнуться хирургической операции. Колтон хорошенько подумал, взвесил все за и против и решил, что спокойнее будет наложить на себя руки. Дело в том, что в те времена операции проводились без наркоза и представляли собой настоящую пытку, которая к тому же частенько заканчивалась летальным исходом. Поэт не захотел визжать от боли под эскулаповым ножом. Своим поступком Колтон опроверг один из собственных афоризмов: «Тысячи людей совершили самоубийство от душевных мук, но никто еще не убивал себя из-за мук телесных».

У Пушкина в этот период начали проявляться симптомы некоей болезни, которую вполне можно было отнести к «мукам телесным», избавиться от которых можно было лишь прибегнув к опробованному Колтоном способу.

№ 117: Крюднер Амалия Максимилиановна, урожденная Лерхенфельд (1810–1887) – внебрачная дочь баварского посланника в Петербурге Максимилиана Лерхенфельда (1779–1843), графа. С 1825 года жена Александра Сергеевича Крюднера (1796–1852), барона, первого секретаря русского посольства в Мюнхене, во втором браке за графом Н.В. Адлербергом. Великосветская знакомая П.А. Вяземского, А.И. Тургенева, Пушкина (1830-е годы), предмет юношеского увлечения Ф.И. Тютчева, посвятившего ей стихотворение «Я помню время золотое» (1834–1836) и «Я встретил вас» (1870). 24 июля 1833 года Пушкин был с Крюднер у Д.Ф. Фикельмон и, по словам Вяземского, ухаживал за Крюднер. 12 января 1837 года Крюднер и Н.Н. Гончарова (Пушкина) были на балу у Фикельмон, а 26 января 1837 года, за день до дуэли, Пушкин и Крюднер присутствовали на балу у М.Г. Разумовской. В 1833 г. князь Вяземский писал А.И. Тургеневу из Петербурга: «У нас здесь мюнхенская красавица Крюднерша. Она очень мила, жива и красива, но что-то слишком белокура лицом, духом, разговором и кокетством; все это молочного цвета и вкуса». За нею в это время ухаживал Пушкин. Летом 1833 г. был вечер у Фикельмонов. Пушкин, краснея и волнуясь, увивался около баронессы

Крюднер. Жена его рассердилась и уехала домой. Пушкин хватился жены и поспешил домой. Наталья Николаевна раздевалась перед зеркалом. Пушкин спросил:

Что с тобой? Отчего ты уехала?

Вместо ответа Наталья Николаевна дала ему пощечину. Пушкин, как стоял, так и покатился со смеху. Он забавлялся и радовался тому, что жена ревнует его.

В 1838 г. А.О. Смирнова наблюдала г-жу Крюднер на интимном балу в Аничковом дворце: «Она была в белом платье, зеленые листья обвивали ее белокурые локоны; она была блистательно хороша». Царь открыто ухаживал за нею и за ужином всегда сидел с нею рядом. «После, – рассказывает Смирнова, – Бенкендорф заступил место гр. В.Ф. Адлерберга, а потом – и место государя при Крюднерше. Государь нынешнюю зиму мне сказал: «Я уступил после свое место другому» – и говорил о ней с неудовольствием, жаловался на ее неблагодарность и ненавистное чувство к России. Она точно скверная немка, у ней жадность к деньгам непомерная».

№ 118: Завадовская Елена Михайловна, урожденная Влодек, графиня (02.12.1807–22.09.1874) – жена Василия Петровича Завадовского (15.07.1799–10.10.1855), с 1840 года сенатора. Знакомство Пушкина с Завадовской относят к концу 1820-х – началу 1830-х годов. Впечатление поэта от встреч с Завадовской в петербургском великосветском обществе нашло свое отражение в XVI строфе Восьмой главы «Евгения Онегина», где она изображена под именем Нины

Воронской, с чем, кстати, решительно не соглашался В.В. Вересаев:

Люблю я очень это слово²¹,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
(Оно б годилось в эпиграмме...)
Но обращаюсь к нашей даме.
Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

Исключительная красота Елены Михайловны неизменно вызывала восхищение современников. Один из них писал: «Нет возможности передать неуловимую прелесть ее лица, гибкость стана, грацию и симпатичность, которыми была проникнута вся ее особа».

Поэт П.А. Вяземский в посвященном ей стихотворении назвал Елену Михайловну «красавиц Севера царицей молодой». Граф Мих. Ю. Виельгорский однажды полушутли-

²¹ Vulgar – вульгарное (англ)

во сказал своему знакомому (музыканту В. Ленцу), приглашенному бывать у Завадовских: «Слушай, не ходи туда! Артистическая душа не может спокойно созерцать такую прекрасную женщину, я испытал это на себе». Не мог не воспеть ее и Пушкин, посвятивший ей в 1832 году стихотворение «Красавица»:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей:
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледных круг
В ее сиянье исчезает.
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

Хотя и назвал Пушкин Елену Михайловну Завадовскую «Сей Клеопатрою Невы», однако ей вовсе не были присущи черты легендарной египетской царицы (как ее представлял себе поэт) – безудержно сладострастной, порочной, попирав-

шей законы нравственности, завораживавшей свои жертвы бешеной чувственностью. Наоборот, во всех стихотворениях, посвященных Е.М. Завадовской, отмечается ее душевная опрятность. Например, у Козлова: «Так чистой, ангельской душою оживлена твоя краса», а сам Пушкин написал о ней так: «Она покоится стыдливо в красе торжественной своей». Но кроме возвышенных поэтических свидетельств есть еще и воспоминания современников. И ни в одном из их упоминаний о Е.М. Завадовской нет даже намека на обычную в ее время и в ее среде супружескую неверность.

Так что любовь Пушкина к Завадовской была, скорее всего, платонической, хотя имя «Елена» стоит на последнем месте во второй части «Донжуанского списка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.